

На правах рукописи

Симоненкова Светлана Николаевна

**Жанры религиозного дискурса в русской поэзии 80-90-х
годов XIX века: стихотворная молитва, переложение
псалмов, стихотворная притча**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Орел – 2022

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»

Научный руководитель:

Ковалева Татьяна Витальевна, доктор филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты:

Федосеева Татьяна Васильевна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», профессор кафедры литературы и журналистики.

Проскурина Вера Леонидовна, кандидат филологических наук, бюджетное профессиональное образовательное учреждение Орловской области «Орловский областной колледж культуры и искусств», преподаватель.

Ведущая организация: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Защита состоится «30» сентября 2022 года в 9 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.183.02 при федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» по адресу: 302001, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 41, корп. 3, аудитория 11.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» по адресу: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95 и на официальном сайте организации: www.oreluniver.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2022 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета Д 212.183.02
кандидат филологических наук, доцент

А.А. Бельская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Степень разработанности темы. Русская литература всегда была неразрывно связана с христианским вероучением (В.Н. Захаров), потому что никогда не отказывалась полностью от средневековой русской литературы (Ю.М. Лотман), ориентировалась на особую духовную общность (И.А. Есаулов). М.Н. Дунаев видел отражение религиозного сознания во всех произведениях, к которым обращался, а А.М. Любомудров, не отрицая существования православных произведений, указал на их отличия от общегуманистических (духовно-реалистических), в которых рассматриваются различные аспекты совести, нравственности, истины.

На современном этапе развития литературоведения проблема религиозности русской литературы решена и рассмотрена в самых разных аспектах. Установлены и многократно описаны принципы, истоки, основы христианского мировосприятия А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского.

Религиозное сознание поэтов эпохи предсимволизма изучалось Л.П. Щенниковой, которая считает, что пессимизм, выраженный в лирике этого периода, связан не только с разочарованностью в мире земном, но и «в мире ином», при этом каждый из поэтов оставался «верен этике христианской любви».

Отдельные аспекты религиозного сознания С.Я. Надсона проанализированы Л.П. Щенниковой, В.В. Чаркиным; христианские истоки поэзии К.М. Фофанова рассматривались Е.З. Тарлановым, Т.В. Малыгиной, Е.Е. Завьяловой, Т.И. Кондратовой, Г.Н. Логуновой, М.Ю. Мишиной; черты христианского мировоззрения М.А. Лохвицкой исследовались Т.Л. Александровой, Е.Е. Завьяловой, Е.В. Изусиной, Ю.Е. Павельевой.

Большая часть исследователей, обращавшихся к отражению религиозного сознания в литературе, сосредотачивала свое внимание на анализе христианских и молитвенных тем, образов, мотивов, художественных приемов в творчестве конкретного поэта. За рамками исследований оставалась система жанров религиозного дискурса.

Е.В. Бобырева предлагает выделять первичные и вторичные жанры. К первичным жанрам религиозного дискурса исследователь относит притчи, псалмы и молитвы, к вторичным – проповедь, исповедь и т.д. Однако следует учитывать, что исследователем рассматривались не литературные, а канонические речевые жанры, существование которых обусловлено церковной службой.

Мы принимаем концепцию исследовательницы о первичности молитвы, притчи и псалмов. Однако учитываем, что механизмы создания текстов в художественной литературе принципиально иные. Для канонических религиозных жанров основной функцией является коммуникативная, для художественных – эстетическая. При этом и для канонических, и для литературных жанров важна апеллятивная функция. Различие заключается в том, что в основе канонических жанров лежит ритуал, церковная служба, и они

построены на обращении человека к Богу, а в литературных жанрах автор апеллирует, прежде всего, к читателю, а обращение к божественным силам является элементом художественной формы.

Интерес к жанрам религиозного дискурса в русской поэзии связан с европейским влиянием. Европеизация русской литературы привела к многочисленным новшествам, связанным с модификацией жанровой системы. Русская литература начала осваивать не только новые жанры (сонет, эпистола, элегия, мадригал, эпиграмма), но и адаптировать традиционные. Стихотворные переложения псалмов и стихотворные молитвы в русской поэзии XVIII – начала XIX века исчисляются сотнями.

Жанр стихотворной молитвы изучался Э.М. Афанасьевой, Т.В. Бердниковой, Т.А. Радченко, О.А. Переваловой, М.П. Чернышовым. Однако их исследования не затрагивали особенностей стихотворной молитвы 80-90-х годов XIX века.

В диссертации Е.Е. Завьяловой «Соотношение канонического и неканонического в системе лирических жанров 1880-1890-х годов» рассматривается жанровое содержание молитвы в творчестве поэтов-предсимволистов. На основе анализа конкретных текстов исследователь установила, что авторы стихотворных молитв не отходили от «церковного канона» и не стремились приблизиться к свободной форме «светского» стихотворения. Однако системного изучения стихотворной молитвы в работе Е.Е. Завьяловой не предпринималось, а количество проанализированных текстов минимально.

Жанр стихотворного переложения псалмов был не менее популярным в русской поэзии, к нему обращались поэты, начиная от М.В. Ломоносова и заканчивая В.Я. Брюсовым. Однако литературоведение в основном сосредоточилось на поэзии XVIII века (исследования Г.А. Гуковского, Т.Г. Доссе, Т.Ф. Луцевич, Е.В. Семеновой, О.А. Чугуновой), что вполне закономерно, так как большая часть произведений жанра написана именно в этот период. Особенности жанра стихотворного переложения псалмов в русской поэзии 80-90-х годов XIX века не изучались, за исключением нескольких текстов, упоминаемых в диссертационном исследовании Г.А. Химич.

Не стала предметом изучения в литературоведении и стихотворная притча. Единственная публикация М.А. Бологовой, посвященная современной стихотворной притче, не раскрывает специфики жанра.

В нашем диссертационном исследовании предлагаются подходы к изучению жанрового содержания стихотворной молитвы, стихотворного переложения псалмов и стихотворной притчи, построенные на рассмотрении связей жанров религиозного дискурса с традициями сакральных текстов и литературно-религиозным текстом иудеев – Агадой, что позволяет выделить их доминантные и переменные признаки.

Изученная научная литература, посвященная стихотворным жанрам молитвы, псалма, притчи, позволяет утверждать, что жанры религиозного дискурса являются одним из активно изучаемых аспектов современного

литературоведения. При этом русская поэзия 80-90-х годов XIX века остается вне поля зрения исследователей в связи с ее «переходностью» и с тем, что долгое время сама эпоха считалась периодом развития прозы, эпохой поэтического «безвременья». Восполнение существующего пробела составляет **актуальность** нашего исследования.

Цель диссертационного исследования заключается в определении признаков основных жанров религиозного дискурса в русской поэзии эпохи предсимволизма: стихотворной молитвы, стихотворного переложения псалмов и стихотворной притчи.

Целью определяются следующие **задачи**:

- выявление круга текстов, относящихся к жанрам стихотворной молитвы, стихотворной притчи и стихотворного переложения псалма в творчестве поэтов 1880-1890-х годов;
- анализ художественных особенностей стихотворной молитвы, стихотворной притчи и стихотворного переложения псалма в свете идейных и эстетических концепций эпохи;
- определение жанровых доминант и переменных признаков стихотворной молитвы, стихотворного переложения псалма, стихотворной притчи в русской поэзии 1880-1890-х годов;
- изучение особенностей жанров стихотворной молитвы, стихотворной притчи и стихотворного псалма с точки зрения их традиционности и новаторства.

Объект – поэтика жанров и жанровое своеобразие стихотворной молитвы, стихотворной притчи и стихотворного псалма в русской поэзии 80-90-х годов XIX века.

Предметом исследования являются особенности использования традиций сакральных текстов в жанрах религиозного дискурса и принципы их трансформации в произведениях поэтов 80-90-х годов XIX века.

Материалом исследования послужили сборники «Антология. Христианство в русской поэзии: “Бог не устал”» (2013 г.), «Библейский свет. Жемчужины русской поэзии. Антология» (2016 г.), «Поэты 1880-1890-х годов» (1972 г.), «Молитвы русских поэтов» (2016 г.), произведения К.Д. Бальмонта, А.Н. Будищева, К.Р. (Кн. Константина Романова), К. Льдова, М.А. Лохвицкой, Д.С. Мережковского, Н.М. Минского, С.Я. Надсона, К.М. Фофанова, О.М. Чюминой, С.Г. Фруга.

Методологическую базу диссертационного исследования составили работы Л.Я. Гинзбург, В.М. Жирмунского, А.Ф. Лосева, Т.И. Сильман, Б.В. Томашевского, Ю.Н. Тынянова и др., посвященные общим проблемам поэтики лирического произведения; научные изыскания И.В. Силантьева, Б.М. Гаспарова, А.К. Жолковского, Ю.К. Щеглова, М.Н. Эпштейна, А. Хансен-Леве, посвященные принципам мотивного анализа лирического стихотворения; художественного образа (В.Н. Топоров, М.М. Бахтин, Г.И. Кабакова, Т.В. Цивьян, А.К. Байбурин); исследования С.В. Сапожкова, Л.П. Щенниковой, Л.К. Долгополова, Д.Е. Максимова, З.Г. Минц, раскрывающие основные черты эпохи предсимволизма и раннего символизма; Э.М. Афанасьевой,

Л.Я. Гинзбург, Ю.М. Лотмана, О.И. Федотова, А.С. Янушкевича по проблемам стихотворной молитвы, С.С. Аверинцева, М.Л. Гаспарова, Е.К. Ромодановской, И.Ш. Левина, Н.И. Прокофьева, В.Н. Топорова, М. Герхардта по проблемам жанра.

Данная работа является историко-литературным исследованием, сочетающим историко-генетический и сравнительно-типологический *методы* с элементами структурального анализа.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что в нем впервые проведен системный анализ жанра стихотворной молитвы 80–90-х годов XIX века в соотнесенности с мировоззренческими и эстетическими установками поэтов, предложена классификация жанровых разновидностей стихотворной молитвы в русской поэзии 80-90-х годов XIX века; выявлены художественные особенности жанра стихотворного переложения псалмов в поэзии эпохи предсимволизма, установлена степень соотнесенности в текстах сакрального и профанного; обосновано существование самостоятельного жанра стихотворной притчи.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении доминантных и переменных признаков стихотворной молитвы, предложенной классификации жанра, исходя из его структурно-семантических особенностей (нарративно-просительные, призывно-просительные, нарративно-покаянные и нарративно-благодарственные стихотворные молитвы); сформулировано определение и изучены основные жанровые принципы стихотворной притчи, доказана необходимость разграничения жанра стихотворной притчи на притчи-наррации и притчи-сентенции.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования результатов исследования в системе формирования профессиональных компетенций студентов в рамках общих курсов и спецкурсов, посвященных истории русской поэзии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Жанровая модель стихотворной молитвы включает фиксацию божественного имени, призывание сакральных сил, формирование ситуации диалога с указанием на сакральный ориентир, выражение молитвенной просьбы, благодарности, слов покаяния, обращенных к адресату, указание темы призывания, подразумевающее преобразование действительности, установка на действенную природу молитвы (сакральное и профанное).

2. Доминантными признаками стихотворной молитвы являются ориентация на сакральный источник, вокатив, наличие сакрального адресата и особого типа лирического субъекта – носителя православного сознания. К переменным признакам относятся отсутствие концовки, что обусловлено стремлением авторов создать эффект недоговоренности, подчеркнуть неразрешимость жизненной ситуации или актуализировать идею всеобщности, выраженную в произведении; наличие/отсутствие нарратива, определяемого авторской интенцией, эмоциональным типом обращения к сакральному адресату.

3. Стихотворные молитвы в русской поэзии 80-90-х годов XIX века характеризуются подчеркнутой ориентацией на текст Библии и каноническую молитву. Произведениям жанра свойственна повышенная эмоциональность, обусловленная содержанием канонической молитвы, позволяющей поэтам выражать сокровенные мысли и чувства. Обращение к Богу давало возможность утвердить идею необходимости веры, укрепляющей душу человека, помогающей противостоять миру зла, чем и определяется превалирование в стихотворной молитве сакрального над профанным, духовного над бытовым.

4. Стихотворное переложение псалмов является амбивалентным жанром, ориентированным как на Псалтирь, так и предполагающим индивидуально-авторскую трактовку прецедентного текста, являющегося источником тем, сюжетов и образов стихотворных переложений. К особенностям жанра относятся: внутренний диалогизм поэта с автором сакрального текста, религиозно-символический характер произведений, соединение внешнего с внутренней идеальностью, резкая противопоставленность этических категорий греховности и праведности, преобладание сакрального над профанным при относительной самостоятельности выражения авторского сознания.

5. Стихотворное переложение псалмов в русской поэзии 80-90-х годов XIX века характеризуется двумя тенденциями. Первая – обусловлена стремлением авторов стихотворных переложений максимально точно передать содержание прецедентного текста, вторая – на основе псалма выразить собственные мысли и чувства, определяемые идейной и эстетической программами поэтов. Из Псалтири авторами выбираются только те псалмы, которые по своей идее наиболее полно отражают взгляды поэтов на окружающую их действительность и декларируют необходимость веры в Бога.

6. Стихотворная притча является лиро-эпическим жанром, соединяющим событийность с лирическим началом, выражающимся в авторских оценках и общем пафосе произведений. К основным жанровым признакам стихотворной притчи относятся: аллегоричность и иносказательность, требующие осмысления и расшифровки, наличие скрытой или прямой назидательности, концентрированность на универсальных вопросах существования общества и человека, связь с сакральной историей или с событиями, зафиксированными в других религиозно-литературных источниках, обусловленность содержания литературным и культурным контекстом, наличие двух жанровых разновидностей – притчи-наррации и притчи-сентенции.

7. Аллегоричность и иносказательность, обращение к универсальным проблемам и нравственным аспектам бытия обусловили интерес поэтов 1880-1890-х годов к жанру стихотворной притчи. Отсутствие закреплённой канонической формы дало возможность авторам стихотворных притч экспериментировать как с формой, так и с содержанием произведений, что привело к параллельному развитию стихотворной притчи, ориентированной на прецедентные тексты, и возникновению собственно-авторских сюжетов, рожденных творческим воображением поэтов. Содержание стихотворных притч обусловлено стремлением поэтов в иносказательной форме осветить

проблемы современной действительности или раскрыть уникальность и неповторимость прецедентных текстов.

Степень достоверности полученных данных подтверждается классификационным материалом, представленным в диссертации, а также серией публикаций, рассматривающих первичные жанры религиозного дискурса в русской поэзии 80-90-х годов XIX века.

Основные результаты исследования использовались при чтении лекций и проведении практических занятий по курсам «Филологический анализ текста», «Теория литературы» в институте филологии ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева».

Апробация работы. Основные положения исследования обсуждались на аспирантских семинарах кафедры истории русской литературы XI – XIX веков Орловского государственного университета, были представлены в докладах на научных и научно-практических конференциях: на межвузовской конференции «Современные исследования фольклора и русской литературы XI–XIX веков» (2015 г.), на Международной научной конференции к 200-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева «Его Величество язык ее Величества России» (Орел, 2017 г.); на научных чтениях с международным участием «Клушинские чтения – 2017» (Орел, 2017 г.); на Международной научно-практической конференции «Орловский текст российской словесности» (2016 г.), на Всероссийских (с международным участием) Славянских Чтениях «Духовные ценности и нравственный опыт русской цивилизации в контексте третьего тысячелетия» (Орел, 2016, 2018 гг.), на ежегодных межвузовских конференциях «Русская поэзия: проблемы поэтики и стиховедения» (Орел, 2015-2019 гг.), на Международной научной конференции «Синтез традиций и новаторства в литературе, языке и культуре» (Курск, 2019 г.), на Межрегиональном круглом столе «Тексты нового века» (Орел, 2019 г.), на Международной научной конференции «А.А. Фет: взгляд сквозь века» (Орел, 2020 г.).

Основные положения диссертации изложены в 11 статьях, 4 из которых опубликованы в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации определена изучением первичных жанров религиозного дискурса в русской поэзии 80-90-х годов XIX века. Работа состоит из Введения, 3 глав и Заключения. Библиографический список включает 236 наименований. Общий объем работы – 230 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность диссертационного исследования, раскрывается научная новизна избранной темы, определяется теоретико-методологическая база работы, формулируется ее целевая направленность, конкретизирующаяся в исследовательских задачах, анализируется корпус литературоведческих исследований, отражающих историю вопроса, излагаются положения, выносимые на защиту, систематизируется апробация научных результатов работы, прогнозируется

теоретическая и практическая значимость итогов диссертации, характеризуется ее структура.

В первой главе – «**Жанр стихотворной молитвы в русской поэзии 1880-1890-х годов**» – рассматривается история изучения жанра стихотворной молитвы и ее художественных особенностей в отечественном литературоведении, жанровые принципы и жанровые разновидности канонической молитвы и стихотворной молитвы 1880-1890-х годов.

В параграфе «*Каноническая православная молитва как жанровая основа молитвы стихотворной*» доказывается, что в основе жанра стихотворной молитвы лежит молитва православная, произносимая в храме во время богослужения, или молитва внутренняя («умно-сердечная»), предназначенная и для церковного, и для частного молитвословия. Каноническая молитва – часть духовной жизни человека, словесное или мысленное обращение к высшим силам за поддержкой и духовным прозрением.

Каноническая молитва включает традиционные формулы: вокатив, оптатив, формулы прошения, панегирические формулы, формулы благодарения, которые являются своеобразным кодом и вызывают в сознании читателя или слушателя ассоциации, напрямую соотносимые с церковной службой, чтением молитв, реализацией в слове чувств, обращенных к Богу, Богородице, Святым.

Молитва стихотворная восходит к канонической, однако имеет принципиально иную природу. Молитва в христианстве является отражением религиозного сознания, а стихотворная является результатом художественного освоения прецедентного текста и своего рода творческим преобразованием канонической молитвы (В.А. Котельников, Т.А. Кошемчук, О.А. Перевалова).

В литературоведении было установлено, что жанр стихотворной молитвы, сохраняя связи с канонической молитвой, является средством самовыражения и отражения мировоззрения художника слова, самостоятельным элементом культуры и литературного процесса, т.е. переходит из ритуальной во внеритуальную сферу (Э.М. Афанасьева), соединяя светское и духовное начала (О.А. Перевалова). Структура стихотворной молитвы восходит к канонической (Э.М. Афанасьева, Т.В. Бердникова, Т.А. Радченко), так как создается на основе религиозного опыта поэта (М. Войтак).

Для стихотворной молитвы характерны: вербализированное «желание», исповедальное начало, специфическая диалогическая ситуация/природа (Э.М. Афанасьева, Т.В. Бердникова, О.А. Перевалова), обращение «к Божественному началу» (О.В. Зырянов), к религиозному, мистическому или магическому архетипу (Э.М. Афанасьева), призывание, обращение или просьба, ситуация богообщения, ориентированная на канон (Э.М. Афанасьева, Т.В. Бердникова, О.В. Зырянов), использование императива и специфических грамматических форм (Э.М. Афанасьева, М.П. Чернышов), особый тип хронотопа и соединение сакрального и профанного (О.А. Перевалова).

М. Войтак, перечисляя основные жанровые характеристики, указывает, что структура стихотворной молитвы включает: анаклезу, анамнезу, просьбу,

конклюзию и использование «специальной лексики». Если не принимать во внимание предложенную исследователем терминологию, то обнаруживается тождество между идеями Э.М. Афанасьевой и концепцией М. Войтак.

Дискуссионной научной проблемой остается проблема классификации жанровых разновидностей канонической и стихотворной молитвы. Жанровые разновидности канонической молитвы в научных исследованиях принято было разделять по отношению к ритуалу (Фридрих Хайлер), по способу произнесения (Е.В. Бобырева, О.А. Прохвятилова), по адресату, по традиционности (Е.В. Бобырева, О.А. Прохвятилова), по времени возникновения и смыслу (Р.М. Кумышева), по интенциональной направленности (Е.В. Бобырева), по содержанию и структуре (О.А. Первалова). Однако отцами церкви признавались молитва-благословение, молитва-поклонение, просительная молитва, ходатайственная, благодарственная, хвалебная, покаянная.

Жанровые разновидности стихотворной молитвы разграничивались по структурно-содержательным признакам: молитвы-подражания и молитвы-вариации (О.А. Первалова); по тематике: молитва благодарности, молитва как просьба о заступничестве, молитва-сетование, молитва-раскаяние (Е.А. Аликова); по интенции: просительная молитва, молитва-благословение, молитва-созерцание (Е.Л. Кучина).

Предложенная в нашей работе классификация жанровых разновидностей учитывает отличия стихотворной молитвы от близких лирических жанров: наличие ядра жанровой модели, особого типа лирического субъекта и событийности (нарративно-просительная, нарративно-покаянная и нарративно-благодарственная). Исключения, с нашей точки зрения, составляют призывно-просительные стихотворные молитвы, содержащие обращение к сакральному адресату с прошениями без повествования о прегрешениях и собственной судьбе.

Во втором параграфе *«Жанровые разновидности стихотворной молитвы в русской лирике 1880-1890-х годов»* проведен анализ стихотворных молитв в соответствии со структурно-семантическими особенностями текстов.

Установлено, что для нарративно-просительных стихотворных молитв 1880-1890-х годов характерно сохранение признаков канонической молитвы (вокатив, название сакрального имени, диалогическая ситуация). Эти особенности проявляются в произведениях К.М. Фофанова «Отче наш...» и «В дороге» и «Молитве» («Прости мне, Боже, вздох усталости...») Николая Минского единственным отличием от канонической молитвы является в них введение нарратива, раскрывающего особенности погрязшего в грехах общества и образа страдающего человека, растратившего жизнь и силы в бессмысленной борьбе за переустройство мира.

Принципиально отличается от стихотворных молитв, воспроизводящих канонический текст с незначительными изменениями, произведение К.М. Фофанова «Весной запахло», в основе которого резкое противопоставление состояния природы и настроения лирического субъекта, который не способен воспринимать гармонию окружающего мира. В

произведении поэт имитирует внутреннюю молитву, лирический субъект которой мечтает о смерти, потому что устал бороться и страдать. Однако обращение к Богу изменяет его внутреннее состояние, к нему приходит осознание того, что человек не имеет права роптать на свою судьбу.

Творческим экспериментом К.М. Фофанова является «Молитва» («Дева Пречистая, Матерь Господняя...»), представляющая собой образец ролевой лирики и характеризующаяся соединением формулы обращения к Богородице в первом стихе и событийности в остальной части текста. К.М. Фофановым точно передана форма канонической просительной молитвы и ее функции: укрепить душевные силы в обращении к сакральным силам.

Несколько нетрадиционной для стихотворной молитвы по своей архитектонике является «Молитва» О.Н. Чюминой. Большую часть текста составляет передача лирическим субъектом ощущений от собственной жизни, осознание бессмысленности бытия, неспособности реализовать свое главное стремление – служение людям.

В «Молитве» («Спаси меня, Господь! Затмился надо мною...») П.А. Валуева переданы идея разочарованности в борьбе и понимание ее бессмысленности. В стихотворной молитве раскрывается состояние мятежности, бесприютности духа лирического субъекта. При этом он не отказывается от веры и понимает, что все лучшее было дано ему Всевышним, поэтому и просит укрепить его в вере, помочь пережить все тяготы жизненного пути. Важно и то, что, в отличие от своих современников, поэт обвиняет в усталости и разочарованности не общество, а самого себя.

В целом же все рассмотренные нарративно-просительные стихотворные молитвы 80-90-х годов XIX века восходят к самому распространенному типу канонических молитв – молитве прошения – и включают обращение к Божественным силам за поддержкой в земных делах и прошение о спасении души. В просительной молитве выражаются чаяния духовные, считается, что человек слишком слаб, чтобы спасти свою душу, и только Господь укрепляет ее и дарует силы для жизни духовной и внешней. В ней выражается осознание человеком его связи с Богом.

Призывно-просительные стихотворные молитвы содержат прямую мольбу о помощи, обращенную к Богу. В них передаются духовные страдания лирического субъекта, утратившего веру в возможность обретения земного счастья. Ситуация диалогизма, возникающая в текстах, организует структуру произведений, в которых отсутствуют элементы событийности.

Стихотворная молитва К.М. Фофанова «О, Боже, загляни в измученную душу...» восходит к просительному канону. Лирический субъект поэта – страдающая личность, воспринимающая мир враждебным. Произведение пронизано элегическими настроениями, тоской и тревогой. Разочарование и чувство внутренней неудовлетворенности определяют эмоциональное состояние носителя речи. Однако космический пессимизм преодолевается молитвой: появляется надежда на духовное возрождение и обретение любви к миру и человечеству, именно поэтому для первой части характерен пессимистический пафос, а для второй – оптимистический,

жизнеутверждающий. Если в первой части стихотворения духовный мир человека предстает абсолютно дисгармоничным, то во второй части, напротив, лирический субъект начинает осознавать, что «святыня и любовь» возможны.

К типу призывно-просительных стихотворных молитв относится стихотворение К.Р. (Константина Романова) «Молитва», открывающееся обращением к Богу: «Научи меня, Боже, любить». Поэт воспроизводит традиционную ситуацию, предполагающую диалогизм и выражающую стремление лирического субъекта обрести в молитве внутреннюю гармонию.

Произведение ориентировано на Новый Завет, а мольба, обращенная к Богу, – почти дословная цитата из Евангелия. Основной мотив «Молитвы» – спасение души лирического героя. Однако оно возможно только в том случае, если человек готов к смирению, к пониманию того, что ни один смертный не может уцелеть, не обратившись к Богу. В «Молитве» К.Р. выражает мысль, что истинная любовь к Господу – это смирение и покаяние.

Основу стихотворной молитвы Л.Н. Афанасьева составляет притча, которую рассказывает Иисус своим ученикам о прощенном, но не простившем рабе (Мф 18: 21-35). Текст Л.Н. Афанасьева включает не только передачу отдельных идей Нового Завета, но и изложение эпизодов жизни Христа: смерть на кресте, умение прощать и любить. В стихотворной молитве подчеркивается, что человечество утратило все те духовные ценности, которые были даны Богом. Люди бессильны, не способны к душевной стойкости, лживы, а мир гибнет во вражде и преступлениях. Однако основной посыл стихотворной молитвы Л.Н. Афанасьева заключается в том, что люди должны научиться любить ближнего.

«Молитва о гибнущих» М.А. Лохвицкой – одно из самых проникновенных произведений поэтессы. Лирический субъект, обращаясь к Богу, просит за тех, кто разуверился в вере и разочаровался в жизни, утратил силы, дающие ощущение радости бытия. Каждая из трех частей стихотворной молитвы является законченной по своему содержанию и могла бы быть отдельным текстом. Первая – это моление обо всех утративших веру и потому тоскующих и страдающих, вторая – признание ценности веры, третья – прошение о спасении заблудших. Трагическую окрашенность приобретают строки, посвященные тем, кто стремился к активному переустройству жизни и пытался взять на себя функции Бога. Лирический субъект глубоко сочувствует им и понимает, что спасти их может только Господь, который даст мятежным душам осознание истинных ценностей.

В духе художественных и нравственных исканий 80-90-х годов XIX века написана «Молитва» К.Д. Бальмонта, лирическое признание в которой дается в форме множественного числа – «Мы», т.е. лирический субъект обращается к Богу от всего человечества, погрязшего в грехах. В тексте стихотворной молитвы поэт использует реминисценции из Псалма 101. Бог предстает в тексте молитвы как основатель, создатель, творец мира и источник самой жизни. Однако проявляется и противоречивость мировидения самого поэта. Обращаясь к эпизоду библейской истории (изгнанию человека из Рая), лирический субъект демонстрирует одновременно и сомнение, и покаяние, а затем снова

возвращается к прошению о милости. На уровне нарратива перечисляются те страдания, от которых стремится освободиться человечество: «бесцельное страдание» и «непосильная борьба».

Подчеркнутое следование за содержанием 101 псалма позволяет автору использовать прием композиционного кольца: стихотворение начинается с просьбы о помощи и заканчивается прошением о любви и сострадании к человечеству, отказавшемуся от Бога. Это усиливает эмоциональную напряженность текста, позволяет автору обнажить трагизм существования мира.

В целом же призывно-просительные стихотворные молитвы обладают относительно устойчивой идейной основой. Во всех рассмотренных текстах, относящихся к данной разновидности, поэты обращаются к изображению духовного состояния своего современника. За исключением «Молитвы» К.Р., во всех других произведениях лирический субъект – это глубоко разочарованная и поэтому страдающая личность.

Нарративно-покаянные стихотворные молитвы – жанровая разновидность, отличающаяся повышенной исповедальностью. Покаянная молитва в православной традиции включает просьбу о прощении грехов. В лирике конца XIX века этот вид молитвы существенно трансформирован. На передний план в этой разновидности жанра выходит не столько само покаяние в грехах, сколько изложение грехов, т.е. в тексты стихотворений вводится лирический нарратив. Именно поэтому нарративно-покаянные стихотворные молитвы отличаются наибольшим движением от сакрального к профанному, в них вводятся мотивы бытовые, повествующие о земной жизни лирического субъекта.

«Молитва» К.М. Фофанова «Моя душа полна отравой...» является примером того, как изменяется текст канонической молитвы за счет введения ярко выраженных личностных переживаний. Столкновение мечты и реальности – один из самых распространенных приемов строения стихотворений поэта.

В плане архитектоники поэт полностью следует традициям стихотворной молитвы. В начало текста он вводит диалогическую ситуацию и использует сакральное имя, а большая часть произведения представляет собой традиционное для К.М. Фофанова перечисление грехов разочарованной личности. Однако лирический субъект приходит не только к раскаянию, но и к смирению, потому что понимает, что только очищение души в молитве, искреннее раскаяние способны излечить его страдающую душу.

Основной пафос стихотворной молитвы К.М. Фофанова «Ободри меня, подыми меня...» обусловлен духовным кризисом лирического субъекта. Если в ранних стихотворениях поэта причиной разочарования оказывалась нереализованность мечты о преобразовании мира и неспособность бороться за идеалы, то в стихотворной молитве «Ободри меня, подыми меня...» основной причиной называется отказ от служения общему благу и борьбы ради личностного, индивидуалистического.

В стихотворной молитве раскрывается парадоксальность сознания носителя речи. С одной стороны, он не отделяет себя от современников, а с

другой – не хочет уподобляться толпе, живущей без мечты и надежды. Обращение к высшим силам необходимо лирическому субъекту для укрепления собственных сил. Вопрос о вере и безверии в стихотворной молитве поэта не ставится: лирический субъект изначально осознает значимость общения с Богом, поэтому и обращается к нему со словами покаяния.

Стихотворная молитва А.Н. Будищева, названная «Раскаяние», обладает всеми архитектурными признаками жанра: диалогической ситуацией, обращением к Богу, введением сакрального имени. Поэт строит текст на двух смысловых линиях: первая – это восхищение Богом, его стойкостью, верой, любовью к греховному человечеству, вторая – негативная характеристика современного общества.

В целом же лирический субъект А.Н. Будищева – это глубоко чувствующий человек, который пытается жить в соответствии с христианскими ценностями, поэтому он и противопоставляет себя грешникам, призывая их раскаяться, что, собственно, и подчеркивается наименованием текста.

О начале процесса трансформации жанра свидетельствует произведение К. Льдова, названное поэтом «Отшельник». Текст необычен тем, что, в отличие от других стихотворных молитв, где лирический субъект и носитель речи являются неделимым целым, а признание делается от лица лирического «я», в произведении поэта представлены два голоса: нарратора, передающего последовательность событий, и лирического субъекта, рассказывающего о бессмысленности своих поступков, разочаровании, утрате веры.

Поэт представляет типичное для эпохи сознание разочарованной личности. Однако если в большей части нарративно-покаянных молитв лирический субъект страдает из-за осознания бессмысленности борьбы, сожалеет о силах, растраченных впустую, то лирический герой К. Льдова раскаивается в том, что выбрал неверный жизненный путь. Он устранился от мира, отказался от служения людям, разуверился в вере и Боге.

Большая часть молитвы отшельника – это перечисление грехов: неспособность изменить мир привела лирического героя к разочарованию, отступлению от веры, попытке создать свой мир вдали от людей и их страданий. Осознание грехов приходит только на пороге смерти. Однако финал произведения остается открытым, разрешение трагической ситуации вынесено за рамки текста.

Благодарение Богу не было распространенным мотивом в русской лирике 80-90-х годов XIX века. Это можно объяснить сложностью самой эпохи и утратой идеала. Тем не менее, именно нарративно-благодарственная молитва демонстрирует устойчивую тематику и общую идею, заключающуюся в необходимости благодарения Бога за все, даже за страдания.

Стихотворные молитвы 80-90-х годов XIX века построены на признании грехов человечества, забывшего Бога, отказавшегося от христианских идеалов и благодарности за сотворенный мир. Особенно явно это выражено в «Молитве» М.А. Хитрово, стремящегося приблизить собственные мысли и чувства, выраженные в тексте, к общечеловеческим.

В стихотворной молитве выражена простая мысль: до тех пор, пока человек не осознает своей сущности, он не сможет обрести счастья. Если современники объясняли свои страдания и беды общественными противоречиями, то М.А. Хитрово убежден, что страдания – это тоже Божий промысел, который дан человечеству для испытания духовных сил и для понимания Истины, а обрести ее, как и Бога, может только тот, кто способен отказаться от всего мирского.

Попытка осмысления собственной жизни необычна для творчества Д.С.Мережковского этого периода. Лирический субъект его стихотворной молитвы благодарит Бога за то, что ему было даровано счастье увидеть и понять мир, наполненный Божественным промыслом.

В произведении утверждается идея о возможной смене времен, зарождении иного, «нового» времени. Поэт убежден, что современный ему мир находится в состоянии краха, он бессмыслен, духовно болен, лжив, а истинной остается только природа. Именно она способна жить по своим законам, по законам красоты и добра. Природа вечна, и что бы не происходило в мире людей, она всегда оказывается над пороками и ложью.

Так стихотворная молитва Д.С. Мережковского становится ярчайшим выражением его религиозных исканий раннего периода творчества. Дальше последуют и отрицание Бога, и поиски иной истины, но этот текст является выражением искренней веры.

Следует отметить и то, что поэты, обратившиеся к нарративно-благодарственной жанровой разновидности стихотворной молитвы, принадлежали к русскому символизму: Д.С. Мережковский был основателем религиозного мистицизма, М.А. Хитрово – представитель школы «старшего» символизма.

Философские и этико-эстетические искания представителей этого направления были обусловлены поисками веры и любви. Источником жизни, вдохновения, самого существования становится для этих поэтов природа. Они воспринимают ее как проявление Божественного начала, без которого, по мнению символистов, нет на земле красоты, справедливости, гармонии, духовной свободы. В каждой из стихотворных молитв прослеживается идея, что все в мире подчинено Высшему началу, все живет по строго заведенным порядкам, поэтому разум и душа человека взывают к Богу.

Во второй главе – «**Псалмы в русской поэзии 80-90-х годов XIX века**» – представлен анализ исследований жанра в литературоведении и выявлены идейно-художественные особенности стихотворных переложений псалмов в поэзии рассматриваемого периода.

В параграфе «**Жанр стихотворного переложения псалмов в научном освещении**» изложены основные научные концепции, характеризующие особенности жанра. Большая часть исследований посвящена переложениям псалмов в лирике XVIII века (Г.А. Гуковский, О.А. Чугунова, Е.В. Семенова, Т.Ф. Луцевич, Т.Г. Доссе). Исключение составляют диссертации об особенностях развития жанра в XVII-XX вв (Т.Г. Химич) и первой половины XIX века (А.А. Козлова).

Л.Ф. Луцевич были установлены эволюционные процессы, связанные с увеличением авторской свободы при «обработке» канонических текстов Псалтири, при сохранении единства сакрального и профанного в «псалтырной лирике» рассматриваемого периода. О.Н. Горячевой была затронута важная проблема соотношения авторского и геройного начал и сделан вывод не только о зарождающихся «основах индивидуализма», но и о трансформации жанра «в синтетически сложное целое», в котором эталоны эпохи Просвещения не отвергались, а преобразовывались в неожиданную и оригинальную форму. Е.В. Семеновой обоснована концепция самостоятельности жанра переложения псалмов, определяющими чертами которых являются диалог творца и души человека, интертекстуальные связи с псалмом. Г.А. Химич предприняла попытку обозначить причину интереса русской поэзии к псалмам и высказала предположение, что поэты разных вероисповеданий, философских взглядов, социального статуса обращались к переложению псалмов, потому что жанр позволял изложить собственные убеждения, миропонимание и представить «свои рассуждения на отвлеченные темы».

К жанровым особенностям переложений псалмов принято относить ориентированность на сакральный канон (Т.Ф. Луцевич, Е.В. Семенова), религиозно-символический характер (О.А. Чугунова), обращение к проблемам общечеловеческого характера (Е.В. Семенова), сочетание универсальных и нормативных принципов изображения человека, обращение к проблемам современности, введение личностного начала (О.А. Чугунова, Е.В. Семенова, О.Н. Горячева), авторского отношения и собственных идей (Т.Ф. Луцевич), специфическую традицию бытования (Е.В. Семенова), тематику, определяемую сакральным текстом (Е.В. Семенова) и включающую обращение к творцу, диалогизм (А.А. Козлова).

В литературоведении сложилось устойчивое мнение, что поэт, обращаясь к переложению псалмов, ощущал себя причастным к истории человечества. При этом переложение сакрального текста воспринималось как способ выражения личного мировосприятия. Сама форма псалмов давала возможность для творческих экспериментов, особенно стихотворных. Именно поэтому поэты, с одной стороны, стремились сохранить и даже подчеркнуть связь своего творчества с Ветхим Заветом, а с другой, понимали, что любое вмешательство в сакральный текст приводит его к его десакрализации, что является закономерным, так как, если поэт обращается к переложению псалмов, то он подходит к текстам не как к божественным откровениям, а как к художественному произведению.

В научных исследованиях предлагается ряд классификаций жанровых разновидностей стихотворного переложения псалмов. А.А. Козлова выделяет псалом-оду, псалом-эпигранию, псалом масонскую песнь, псалом-балладу; О.Н. Горячева – «жалобные» псалмы, покаянные, благодарственные. Н.В. Лозовская все переложения псалмов предлагает называть «псалмами-вариациями».

Мы же считаем, что классификация стихотворных переложений псалмов не является необходимой, так как для понимания особенностей жанра более

значимо определение удаленности/приближенности к прецедентному тексту и установление преобладания сакрального или профанного начал.

В целом жанровая модель стихотворных переложений псалмов характеризуется ориентацией на стихи Псалтири, что подчеркивается наименованием художественных произведений с точным указанием прецедентного текста, к которому восходит переложение; соединением сакрального и профанного, индивидуально-личностным пониманием прецедентного текста, определяемого мировоззрением автора, его религиозными представлениями и степенью приближенности к Православию.

В параграфе *«Художественные особенности стихотворных переложений псалмов в лирике 80-90-х годов XIX века: традиции и новаторство»* характеризуются произведения, созданные А.М. Федоровым, К.Д.Бальмонтом, К.М.Фофановым и воспроизводящие индивидуально-авторскую картину мира.

В стихотворных переложениях псалмов А.М. Федорова сохраняется ориентация на сакральный текст, используется лексика канонических псалмов, их пафос. Однако в «VIII Псалме» изменяется философский смысл: человек, в отличие от лирического героя канонического текста, не уподоблен ангелам, а душа как категория, отражающая божественную сущность, не рассматривается. Поэт сосредотачивает свое внимание на роли и месте человека в мире.

Поэт использует кольцевую композицию, подчеркивающую, что основным объектом осмысления в стихотворении становится не Бог, и даже не природа, а человек. Разочарование в человеке – это та черта мировоззрения самого поэта, которая была реализована в тексте произведения. Так А.М. Федоров создает переложение, используя основные образы псалма.

В «Псалме <140>» («Господь мой! К тебе я взываю в тиши...») А.М. Федорова изменена структура прецедентного текста, объединены его строки, псалом дополнен собственными умозаключениями поэта и деталями, противопоставляющими землю и небо.

В каноническом псалме автор размышляет о роли слова и его воздействии на мир. Лирический субъект А.М. Федорова слову придает еще большее значение, так как считает, что злое слово, рождаясь в душе, оскверняет не только уста, но и способно подтолкнуть человека к несправедным поступкам. Именно поэтому поэт объединяет два стиха псалма, подчеркивая, что озлобление разрушающе действует на личность.

Завершающие стихи псалма являются мольбой о защите от врагов. В переложении А.М. Федорова просьба тождественна каноническому тексту, но способ ее представления иной. Автором вводится мотив неминуемой смерти, и лирический субъект принимает неизбежность конца жизни, его страшит не смерть, а грех («От нечестивых силков сохрани!»), т.е. прецедентный текст частично переосмыляется.

В целом же «Псалом <140>» А.М. Федорова полностью соответствует жанровой модели стихотворного переложения, в нем достаточно точно передано содержание псалма, раскрыт подтекст, а незначительные дополнения не изменяют его смысла.

«Псалом <143>» А.М. Федорова по своим структурным характеристикам принципиально отличается от прецедентного текста, однако основные идеи изменений не претерпевают. Наибольшую смысловую нагрузку несут размышления о быстротечности жизни и слабости человека в бесконечном мире, созданном Богом, что является буквальным повторением идей псалма.

Репродуцируются в переложении идея о возможности чудесного спасения человека Богом, отрицание язычества, тех, кто живет, не принимая истинную веру. К тексту первоисточника близок и лексический состав переложения.

Тем не менее, поэт избегает полного тождества. Принципиальные изменения касаются образной системы текста. Поэт вводит образ Давида, о котором вспоминает лирический субъект. Завершающая часть стихотворного переложения подверглась наиболее существенной трансформации. В псалме система ценностей соответствует представлениям человека рубежа XI-X веков до н.э., а в стихотворном переложении А.М. Федорова создана идиллическая картина, понятная человеку конца века XIX.

«Спаси меня, О Боже, ибо воды...» К.М. Фофанова восходит к 68 псалму Псалтири. Основной принцип создания текста – это расширенная цитация текста псалма при точной передаче большей части его смысла.

Кардинальные изменения коснулись последней строфы, которая наполнена совершенно иными идеями. В псалме прославляется Бог за освобождение от страданий и за наказание врагов. В переложении К.М. Фофанова никаких изменений не происходит. Лирический субъект продолжает страдать и по-прежнему обращается к Богу с просьбой. Трансформация последней части переложения необходима была для того, чтобы показать, насколько страшен мир, если даже высшие силы не могут установить в нем закон и порядок.

При всей ориентированности на канонический текст псалма автор создает вольное переложение, что является достаточно типичным для эпохи, когда псалом становится источником идей и образов, а его структурные особенности игнорируются поэтами.

Псалом 132 лег в основу стихотворного переложения К.М. Фофанова. Канонический псалом – один из самых коротких в Псалтыри. Он содержит благодарность Богу за милость. Текст построен таким образом, что он больше напоминает устное слово, которое могло быть произнесено публично. Возможно, и создавался он для произнесения перед народом. «Содержание псалма направлено на прославление духовного братства и единение народа».

К.М. Фофанов создает стихотворное переложение, в котором передается настроение, отраженное в прецедентном тексте: чувство всеобщего счастья, рожденного братством. При этом образы псалма наполняются новым содержанием, подчеркивающим, что абсолютная гармония в мире возможна, если люди будут близки духовно.

Эволюция жанра в конце XIX века связана с творчеством К.Д. Бальмонта. Следует отметить, что поэт не претендует на точность передачи псалма. Это отмечено уже в названии текста «На мотив псалма XVIII-го».

Псалом 18 – это произведение общепhilosophического характера, гимнографическое по своей форме и содержанию, восхваляющее Творца мира и нравственного закона.

Содержание псалма направлено на изменение природы человека, греховной сущности, которая есть в нем и с которой необходимо бороться. И помогает в этой борьбе с «грехом великим» Бог. Давид чувствует свою греховность и обращается к Всевышнему как к избавителю от порочных помыслов.

Псалом привлек внимание К.Д. Бальмонта образом солнца и прославлением Бога. Лирический субъект стихотворения называет себя «созданьем» Бога и считает, что одним из его даров стало слово.

Новая идеология проявляется и в том, что в переложении появляются образы жизнеутверждающего характера. Бог представляется как творец и преобразователь мира, а самое совершенное его творение – солнце.

Таким образом, в русской поэзии 80-90-х годов XIX века жанр стихотворного переложения псалмов развивался в двух направлениях: А.М. Федоров и К.М. Фофанов создают переложения, воспроизводящие настроение прецедентного текста, его идейную основу. Для К.Д. Бальмонта псалом становится основой для выражения совершенно новых идей, в большей степени связанных с воззрениями человека конца XIX века, чем с традиционными православными представлениями.

В третьей главе – «**Жанр притчи в поэзии 80-90-х годов XIX века**» – характеризуются основные литературоведческие исследования, посвященные жанру притчи, и проводится анализ произведений поэтов конца XIX века, восходящих к Библии и к древнейшему религиозно-литературному источнику – Агаде.

В параграфе «**Жанровые особенности литературной стихотворной притчи**» отмечается, что притча в современных научных исследованиях считается жанром эпическим, включающим поучение в иносказательной форме, но без прямого наставления (И.В. Бугаева, О.В. Гладкова, Л.Е. Тумина, В.Я. Саврей).

Притча как жанр эпический была наиболее обстоятельно изучена в литературоведении. Еще в начале XX века Г. Гронфельд первым отметил такие черты притчи, как аллегоричность и нравственно-дидактический характер.

Большая часть исследователей считает, что жанр изначально предназначался для устного бытования (В.И. Тюпа) и по своему происхождению близок к басне (А.Г. Гронфельд, А.А. Потебня, С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров). Однако исследователи сосредотачиваются не на сходстве жанров, таких, как аллегоричность и иносказательность, а на их различиях, отмечая, что притча, в отличие от басни, несет более глубокие общечеловеческие обобщения, тогда как басня осмысливает вопросы частные (Д.С. Лихачев, О.В. Гладкова).

На «таинственный смысл жанра указывали А.А. Потебня и И.В. Богачевська. Н.И. Прокофьев, напротив, считал, что в притче нет ничего таинственного и чудесного, а аллегии просты для понимания либо

объясняются повествователем. «Общедоступной» для понимания считал притчу и А.Г. Гронфельд.

С.С. Аверинцев отмечал символичность притчи и ее интеллектуализм. Д.С. Лихачев подчеркивал внеисторичность жанра, отсутствие в нем конкретных национальных черт. И. Бражниковым и М.А. Бологовой подчеркивается связь с контекстом, ориентированность на произведения, вошедшие в культурное сознание.

Обращаются исследователи и к проблеме классификации жанровых разновидностей. И.И. Срезневский предлагал разграничивать следующие виды притчи: «иносказание», «пример», «доказательство», притча-«указание» притча-«гадание», «загадка», «изречение» «присловие», «причитание, плач», «случай, случайность», «неудача, беда».

И.В. Бугаева предлагает разграничивать притчи, исходя из типа поучения: классическая притча, притча-повествование; притча-басня; притча-поучение, притча-обращение; Н.А. Мещерский выделяет притчу сюжетную и притчу афористическую; Е.В. Бобырева – притчу-наставление, притчу-утверждение, притчу-рассуждение.

Кроме того, в литературоведении отмечено существование таких жанровых разновидностей, как библейская притча (С.С. Аверинцев), юго-восточная (китайская) притча (В. Белоножко, И. Бражников), суфийская притча (И. Кукулин), лирическая социальная притча (И. Кукулин), философская притча (С. Чистихин), метафизическая притча (Б. Парамонов), политическая притча (Жан Рансьер).

Наиболее приемлемым, на наш взгляд, является разграничение жанровых разновидностей, предложенное Е.К. Ромодановской: притча-сентенция и притча-наррация.

При всей эклектичности произведений литературы, относимых к притче, можно выявить устойчивые черты жанра притчи стихотворной. К ним относятся явно выраженное лиро-эпическое начало, лаконизм повествования, иносказательность, аллегоризм, назидательный характер, обусловленность сюжета дидактизмом и назидательностью, отсутствие динамичного сюжетного действия, ориентированность на традицию, восходящую к сакральным текстам или другим религиозно-философским источникам, авторская позиция, представляющая конкретные морально-нравственные идеи.

В параграфе *«Религиозно-этические ориентиры в стихотворной притче 1880-1890-х годов»* анализируется притча-наррация «Вавилонская башня» С.Я. Надсона, восходящая к Ветхому Завету, в которой поэт выражает идею бессмысленности изменения общества путем активных преобразований. В аллегорической форме автор развенчивает цели строителей башни: прославить и увековечить себя на века.

Слова назидания, свойственные притче, появляются в заключительной части стихотворения. Строители башни называются «безумцами», а их стремления создать новый мир без Бога оказываются не просто бессмысленными, но и греховными.

В целом же произведение С.Я. Надсона становится своеобразным предостережением, объясняющим, что общество не способно не только к борьбе, но и к каким-либо созидательным действиям. Людями, которые считают, что они могут изменить мир, движет только гордыня.

Стихотворная притча-наррация «Адамово ребро» С. Фруга является осмыслением темы женской сущности. Произведение поэта восходит к Агаде, однако при создании текста С. Фруг проявил творческую инициативу. Образ дочери раввина заменен на образ патрицианки-язычницы, действие перенесено из Иудеи в Рим, а назидательный рассказ исходит не от героини, а от мудрого раввина. Важными в притче становятся не только слова назидания, но и рассмотренная поэтом сущность женского характера.

В прецедентном тексте главным является восхищение героиней, превосходство дочери раввина над язычником-кесарем, в притче С. Фруга патрицианка вызывает восторг только женской притягательностью. Прославляет же притча-наррация мудрость раввина.

Притчи-сентенции являются достаточно распространенной жанровой разновидностью. Это связано с тем, что авторы стремились не только рассказать нравоучительную историю, но и актуализировать основную мысль, выраженную в произведении, на композиционном уровне.

«Вавилонская башня» К.М. Фофанова – стихотворная притча, в которой соединены точность первоисточника и авторское прочтение текста Библии. Сакральный текст в произведении поэта частично переосмысливается, что проявляется в отношении к строителям башни, вызывающим уважение автора. Развитие событий в стихотворной притче соответствует тексту Библии: гордецы наказываются смешением языков и рассеянием по миру. Хотя, по мысли К.М. Фофанова, наказание следует за то, что люди вознамерились принять на себя функцию Бога, т.е. переустроить мир.

Большая часть стихотворных притч-сентенций С. Фруга восходят к Агаде. В «Сотворении Евы» поэт следовал за прецедентным текстом. Однако в сентенции с достаточной долей ироничности отметил, что женщину надо принимать со всеми ее достоинствами и недостатками, потому что именно такой она и была сотворена Богом.

Притча С. Фруга «Звонкая лира, цветами увитая...» представляет собой поэтическое переложение отдельных отрывков из Книги иудейского царя Соломона, написанной в форме обращения к младшему поколению. Однако смысл прецедентного текста полностью меняется. Притча С. Фруга становится гимном вдохновению, благодаря которому и рождается Книга Соломона. Наполненный аллегориями смысл притчи становится понятным только из авторской сентенции, раскрывающей значение аллегории и объясняющей сущность творчества.

«Притча о золотом ключе» С. Фруга – это литературная мистификация, которая позволила автору выдать собственные идеи за мудрость предков. Произведение является многоплановым и философичным. Поэт дает собственную трактовку предназначения иудеев как народа, который самим Богом назначен хранителем высшей мудрости. Философская сторона притчи

связана с темой истины. В притче – это дар, который дан человечеству Богом, а сохранить его может только безгрешный.

«Притча о золотом ключе» С. Фруга является произведением, открывающим абсолютно новую страницу в истории русской поэзии. Стихотворная притча является собственно-авторским произведением, связанным с традицией на уровне основных композиционно-содержательных признаков, но самостоятельным по способу представления лирического сюжета.

Притча С. Фруга «Старое горе» посвящена одному из трагических событий в истории иудеев – разрушению храма Соломона. Сюжет восходит к реальной истории, однако смысл произведения является обобщенным. Основной в произведении становится мысль, что страдания не вечны, ибо человек может найти утешение и обрести счастье, а на уровне сентенции обобщается исторический опыт еврейского народа, пережившего много горя и страданий, но нашедшего в себе силы им противостоять.

Д.С. Мережковский стал автором одной из самых дидактичных притч в русской поэзии 80-х годов XIX века. Произведение Д.С. Мережковского представляет особый интерес, так как в первой части дословно повторяется сакральный текст, а во вторую часть включено размышление о душе, характеристика жизни, наполненной противоречиями, описание современного общества.

Поэт умышленно отходит от традиционного для притчи дидактизма и назидательности. Он заставляет читателя задуматься над происходящим в мире, подумать о душе, о Боге, о сострадании к людям, в чем и заключается основной пафос «Евангельской притчи» поэта.

Обращение поэтов к жанру стихотворной притчи является доказательством того, что русская поэзия в 1880-1890-х годов искала новые формы для выражения идеи современности. За исключением С. Фруга, в творчестве которого стихотворная притча оставалась жанром назидательным, но далеким от трагического мировидения, С.Я. Надсон, К.М. Фофанов, Д.С. Мережковский обращались к жанру для того, чтобы донести собственный взгляд на мир, представить личную морально-нравственную позицию.

В **Заключении** подводятся итоги работы, дается вывод об определяющем влиянии сакрального текста на жанры стихотворной молитвы и переложения псалмов и ориентированности стихотворной притчи на Библию и Агаду. Доказывается, что под влиянием светской литературы и идеологии эпохи конца XIX века наибольшим изменениям, по сравнению с каноническими текстами, подверглись жанры стихотворной молитвы и стихотворной притчи. В стихотворных переложениях сохранялось подчеркнутое следование за идеями канонических псалмов при незначительном изменении структуры художественного текста, а сакральное преобладало над профанным.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

***Статьи в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК
Министерства науки и высшего образования РФ:***

1. Симоненкова С.Н. Стихотворная молитва и ее жанровые разновидности в лирике 80-90-х годов XIX века// Ученые записки Орловского государственного университета, 2021. № 3 (92). С. 95-101.(1 п.л.)
2. Симоненкова С.Н. Особенности жанра стихотворной молитвы в лирике К.М. Фофанова// Ученые записки Орловского государственного университета, 2019. № 4 (85). С. 132-139 (в савтор. с Т.В. Ковалевой). (0,5 п.л.)
3. Симоненкова С.Н. Призывно-просительные стихотворные молитвы в русской поэзии 80-90-х годов XIX века// Ученые записки Орловского государственного университета, 2019. № 4(85). С. 177-181. (0,4 п.л.)
4. Симоненкова С.Н. Нарративно-благодарственные стихотворные молитвы в русской поэзии 80-90-х гг. XIX века// Ученые записки Орловского государственного университета, 2019. № 3(84). С. 168-170. (0,9 п.л.)

Публикации в других изданиях:

5. Симоненкова С.Н. Призывно-просительные стихотворные молитвы: женский гендерный тип// Тексты нового века. Материалы Межрегионального круглого стола. Орел: ОГИК, 2021. С. 69-72 (0,2 п.л.)
6. Симоненкова С.Н. Жанр «притча» в научном изучении// Образование и культурное пространство, 2021. № 1. С. 108-118. (0,5 п.л.)
7. Симоненкова С.Н. Принципы трансформации сакрального текста в стихотворных переложениях псалмов в поэзии конца XIX века// Образование и культурное пространство, 2021. № 2. С. 92-101. (0,5 п.л.)
8. Симоненкова С.Н. Стихотворная молитва К.Д. Бальмонта// Материалы XIII Всероссийских (с международным участием) Славянских Чтений. Духовные ценности и нравственный опыт русской цивилизации в контексте третьего тысячелетия. – Орел, 2018. – С. 114-119. (0,3 п.л.)
9. Симоненкова С.Н. Стихотворная молитва: к проблеме жанра// Русская поэзия: проблемы стиховедения и поэтики. Сб. ст. Вып. 5. Орел; ПФ «Картуш», 2017. С.72-101. (1,5 п.л.)
10. Симоненкова С.Н. Нарративные формы в стихотворных молитвах 80-90-х гг. XIX века// Русская поэзия: проблемы стиховедения и поэтики. Сб. ст. Вып. 4. Орел: ПФ «Картуш», 2016. С. 19-28. (0,7 п.л.)
11. Симоненкова С.Н. Просительные стихотворные молитвы в русской поэзии 18880-1890-х годов// Русская поэзия: проблемы стиховедения и поэтики. Вып.3. Орел: Картуш, 2015. С. 42-50.(0,5 п.л.)